

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО И РУССКАЯ КУЛЬТУРА*

Изучение древнеславянского язычества как части общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубины тысячелетий и послуживших основой позднейших мировых религий и этико-философских систем, актуально и сегодня, так как позволяет вскрыть закономерности исторического процесса формирования общественного сознания славянства, и в частности восточного славянства. Без анализа древнеславянского язычества мы

не сможем понять идеологию славянских средневековых государств, например Киевской Руси. Без анализа древнеславянского язычества невозможно изучать историю русского фольклора и древнерусской литературы, так как язычество было «началом начал» духовной жизни славянских народов, колыбелью их духа. Без анализа древнеславянского язычества мы не в состоянии понять и правильно оценить антифеодальные еретические движения славянских народов: богомилство,

* Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., «Наука», 1981, 606 с.

стригольничество, новгородско-московскую ересь, ереси Башкина и Косого, подрывавшие церковные догмы, пробуждавшие свободомыслие и рационализм.

Авторами первых крупных работ в области древнеславянского язычества были: Е. В. Аничков, Н. М. Гальковский, Любор Нидерле, Ян Махал, Александр Брюкнер, Станислав Урбашич.¹ Не может быть забыт и трехтомный труд А. Н. Афанасьева, представляющий солидную сводку этнографических материалов XIX века по славянскому язычеству.² Касались этой проблемы советские историки, этнографы, лингвисты (В. И. Чичеров, С. А. Токарев, В. В. Иванов и В. Н. Топоров).³ Польский историк-марксист Генрик Ловмянский посвятил свою монографию славянскому язычеству эпохи средневековья (VI—XII века).⁴ Однако во всех этих весьма полезных научных трудах славянское язычество не было описано и исследовано всесторонне.

Впервые восполнить пробелы нашего знания по истории славянского язычества удалось академику Борису Александровичу Рыбакову, чей капитальный труд «Язычество древних славян» явился продолжением и итогом многолетних и плодотворных исследовательских поисков ученого. Замечательные книги Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» (1948), «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (1963), «Первые века русской истории» (1964), «Русские датированные надписи XI—XIV вв.» (1964), «Слово о полку Игореве» и его современники» (1971), «Русские летописцы и автор „Слова о полку Игореве“» (1972), «Русские карты

Московии XV—начала XVI века» (1974),⁵ «Геродотова Скифия» (1979), «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.» (1982) с большим вниманием читаются и изучаются многими нашими литературоведами, находящими в них как основополагающие факты по истории древнерусской культуры и общественного сознания, так и прогрессивную методику научного поиска, развивающегося в настоящее время в сложной взаимосвязи различных гуманитарных дисциплин.

Рецензируемая книга поражает грандиозностью замысла, масштабностью, широтой и смелостью интерпретации, логикой сопоставлений огромного разнородного материала от палеолита до позднего железного века на обширной территории от Лабы на западе до Днепра на востоке, от понта Эвксинского (Черного моря) на юге до Венедского залива (Балтийского моря) на севере. Кроме материалов собственно славянских — археологических, лингвистических, этнографических, народного искусства и ремесла — автор широко привлекает для аналогий, сопоставлений и параллелей материалы по истории культуры неславянских народов: балтов, германцев, греков, иранцев, италиков, кельтов, тюрков, финноугров, фракийцев, а также других древних народов Европы, Сибири, Урала и Кавказа.

До выхода в свет книги Б. А. Рыбакова представления о славяно-русском язычестве основывались или на древнерусских письменных памятниках XI—XIII веков, или на этнографии и бытовых пережитках язычества в русской деревне XVIII—XIX веков. Славяно-русское язычество изучалось вне проблем истории первобытной религии. Важной вехой на новом пути исследования был опубликованный в 1964 году доклад Б. А. Рыбакова «Основные проблемы изучения славянского язычества», а через семнадцать лет появилась рецензируемая книга, в которой впервые дана и всесторонне обоснована стройная и убедительная концепция периодизации древнеславянского язычества.

Книга, объемом в 47 авторских листов, состоит из введения, десяти глав и заключения. К сожалению, в этом прекрасно иллюстрированном издании отсутствуют указатели.

Во введении поставлены общие задачи исследования. Первая часть «Глубокие корни» открывается главой «Периодизация славянского язычества» (с. 8—30). В центре внимания — замечательное произведение русской литературы начала XII века «Слово об идолах», авторство которого Б. А. Рыбаков приписывает игумену Даниилу. Это «умный и логичный

¹ Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1913; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I. Харьков, 1916; т. 2. М., 1913; Niederle L. Slovanské starožitnosti, t. 1, 2. Praha, 1916; Machal J. Mythologie of all races. Boston, 1918; Brückner A. 1) Mitologia słowiańska. Kraków, 1918; 2) Mitologia polska. Warszawa, 1928; Urbaińczyk S. Religia pogańskich Słowian. Kraków, 1947.

² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. т. 1—3. М., 1865—1869.

³ Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957; Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX в. М., 1957; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.

⁴ Łowmiański H. Religia Słowian i jej upadek (w. VI—XII). Warszawa, 1979.

⁵ Борис Александрович Рыбаков. Вступит. ст. С. А. Плетневой и Т. В. Николаевой. Библиография составлена Р. И. Горячевой, И. М. Зарецкой и Г. Т. Серовой. Изд. 2-е, доп. М., 1978.

конспект трактата о язычестве, пополненный актуальными для эпохи крестовых походов выпадами против магометан» (с. 30). Разговор о «Слове об идолах» имеет большое значение для дальнейшего изучения древнерусской литературы, особенно ее «мелких» и «переводных» сочинений. В современных академических и учебных курсах древнерусской литературы «Слово об идолах», как и другие произведения о язычестве, отсутствует. Невнимание к ораторской прозе, агиографии, гимнографии, легендарным повестям и апокрифике не способствует созданию объективной картины историко-литературного процесса Древней Руси. Своим небольшим этюдом Б. А. Рыбаков как бы подсказывает новые пути поисков и исследований.

Любопытны выводы ученого, основанные на изучении «Слова об идолах». Он перечисляет периоды, наличествующие в трактате, и обобщает свои наблюдения.

1. *Культ упырей и берегинь*. Первобытный анимизм с ярко выраженным дуализмом. Возникает, по-видимому, в глубинах охотничьего хозяйства, может быть, уже в палеолите или мезолите, но доживает вплоть до времени написания „Слова об идолах“.

2. *Культ Рода* как божества Вселенной, всей природы и плодородия. Автору представляется, что этот культ близок к культу Озириса и был распространен на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, откуда он дошел и до славянского мира, заслонив собою старую демонологию. . .

3. *Культ Перуна* как покровителя дружинно-княжеских кругов Киевской Руси. Необходимо согласиться с Е. В. Аничковым, что военный культ бога грозы был очень поздним явлением, возникшим одновременно с русской государственностью.

4. *Принятие христианства*. Язычество отступило на „украины“, где продолжали молиться всем старым богам (в том числе и Перуну), по делал это „отай“. Наиболее жизнеспособным из всех старых языческих культов оказалось почитание Рода и рожаниц. . . Такова эта интереснейшая и глубокая периодизация, с которой мы в значительной мере можем согласиться. Главным звеном в ней является эра Рода, который подобно Кроносу, мифологическому отцу Зевса, предшествовал Перуну княжеских времен. . . единственным слабым звеном в периодизации язычества в „Слове об идолах“ можно считать отсутствие самостоятельной матриархальной стадии земледельческого монотеизма. . .» (с. 24—25). Что касается последнего замечания, то отсутствие в «Слове об идолах» матриархальной стадии не кажется нам случайным: по мнению ленинградских археологов, ее могло не быть вовсе.⁶

Периодизация «Слова об идолах», подержанная Б. А. Рыбаковым, вызывает желание порассуждать, когда же у славян мог возникнуть тот или иной из названных культов. Это не могло произойти в каменном веке, потому что только в эпоху бронзы праславяне выделились из семьи индоевропейских народов. Ответ мы найдем во второй главе рецензируемой книги «Глубина памяти» (с. 31—95). Б. А. Рыбаков вполне правомерно ставит вопрос о пределах глубины памяти народов. «Слово об идолах» поражает нас как историчностью своего подхода к русскому язычеству, так и точностью информации о современном автору XII века язычестве. Очевидно, два первых культа — упырей и берегинь, Рода и рожаниц — исторически предшествовали протославянским культам и были им переданы от общего индоевропейского корня.

Книга Б. А. Рыбакова — большой шаг вперед на пути к созданию всеохватывающей концепции истории язычества в целостном европейско-индосредиземноморском этнокультурном регионе. Автор рецензируемого труда прибегает к методу восхождения от древнего к современному, пытается проследить позднейшую судьбу и степень живучести в XIX—XX веках тех славянских обрядов, которые упомянул в XII веке игумен Даниил («огневи Сварожичю молятся», «и навъм мвь творять» и т. п.). При этом им искусно используются многочисленные орнаменты народных вышивок, прялок, деревянных бытовых изделий, пасхальных яиц-писанок и других предметов материальной культуры различных народов. В итоге выясняется исходная позиция, определяется относительная глубина народной памяти, измеряемая многими тысячелетиями.

В третьей и четвертой главах — «Каменный век. Отголоски охотничьих верований» (с. 96—145) и «Золотой век энеолита (древние земледельцы)» (с. 145—212) — автор выявляет основные этапы формирования культуры протославян в конце энеолита и в начале бронзового века. Праславянский этап Б. А. Рыбаков справедливо датирует на основании археологических и лингвистических данных серединой второго тысячелетия до н. э.

На многих страницах своей книги, пользуясь тем же методом восхождения от древнего к современному, Б. А. Рыбаков реконструирует основные черты первобытного искусства и культуры земледельческих народов, чьи представления оказались весьма богатыми космогоническим и мифологическим содержанием. Особенно интересен анализ трех сказочных сюжетов, восходящих к палеолиту: связь с инициациями, образ женского охотничьего божества и трансформированное описание схваток с мамонтами. «Первыми

⁶ См.: Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономиче-

ских отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972.

появились в матриархальном земледельческом обществе женские божества — рожаницы, а бог-мужчина явился позднейшим наслоением», — пишет Б. А. Рыбаков (с. 173). Следует заметить, что взгляд о существовании матриархата теперь разделяется далеко не всеми (см., например, статьи Г. П. Григорьева и Л. П. Хлобыстина в упоминавшемся выше сборнике «Охотники, собиратели, рыболовы»). Необходимо считаться и с тем, что в древних обществах до сих пор не обнаружено сколько-нибудь прочных и надежных фактов матриархата в человеческом обществе. Культы Рода и рожаниц могли существовать одновременно и быть равноправными.

Культура и искусство протославян не возникают на пустом месте. В этой связи размышления Б. А. Рыбакова представляют большой научный интерес, в частности для историков фольклора (например, что прототипом Чуда-Юда и огнедышащего змея был мамонт).

Вторая часть рецензируемой книги — «Древнейшие славяне» (с. 214—352) — является центральной. Один из самых интересных, но и спорных ее разделов — пятая глава «Истоки славянской культуры» (с. 214—284), в которой сделана попытка обобщить итоги изучения одного из наиболее сложных и запутанных вопросов современной науки — вопроса о происхождении славян. Концепция автора включает в себя три звена. Первое звено состоит в наложении одна на другую трех археологических карт, тщательно составленных разными исследователями и опубликованных на страницах 222—223 книги: 1) праславяне в бронзовом веке, 2) праславяне на рубеже нашей эры, 3) часть славянского мира в V—VII века н. э. Расхождения в деталях, иногда довольно существенные, не влияют на главный вывод: прародина славян, вероятнее всего, действительно располагалась в эпоху бронзы и раннего железа на территории между Лабой и Днепром.

Вторым звеном концепции автора рецензируемой книги является «выяснение причин прерывистости процесса единого развития археологических культур» (с. 223). Эта прерывистость, может быть, есть результат лагуны в наших современных знаниях по археологии древних славян. Эти знания непрерывно обновляются и уточняются в процессе поиска.

Третьим звеном концепции автора рецензируемой книги является «вычленение праславянской зоны из обширной области скифской культуры» (VIII—III века до н. э.). При этом Б. А. Рыбаков основывается на гипотезе ряда исследователей о не-скифском (славянском) происхождении части скифских культур. Однако один из них — М. И. Артамонов — в своей последней книге от этой

гипотезы отказался.⁷ Автор рецензируемой работы во многом также исходит из работы В. А. Городцова, сближавшего скифов со славянами.⁸ Достаточных археологических и лингвистических данных для доказательства этой гипотезы не имеется. Гидронимика лесостепной полосы Украины — прапоязычная, у всех скифов был один язык — иранский.⁹ Концепция единого потока автохтонных корней от Триполья через скифов к Киеву представляется нам недоказанной. Соседство славян (зарубинецкая культура) и сарматов, наследников скифской культуры, после III века до н. э. бесспорно. Именно с этого времени, на наш взгляд, начинаются славяно-сарматские контакты, что и привело к усвоению элементов скифо-сарматской культуры восточными славянами. Весьма сомнительно, что «накануне нашествия скифов днепровское лесостепное Правобережье, а также долина Ворсклы были заселены земледельческим населением, говорившим на славянском языке...» (с. 225). Для такого вывода не хватает ни лингвистических, ни археологических данных.

Многочисленность и разнохарактерность ответов на малоизученные и спорные вопросы ранней истории славян не должны заслонять от нас того большого вклада, который вносит пятая глава рецензируемой книги в науку. Здесь сделана попытка рассмотреть историю славян на широком материале первоначальных религиозных и мифологических представлений протославян эпохи бронзы, связанных с различием души и тела и погребением умерших. Приведенные данные могут принести большую пользу фольклористам.

Серьезный вклад в славяноведение представляет и шестая глава — «Земледельческие культы праславян» (с. 285—352), в которой шаг за шагом прослеживается переход от примитивных верований к развернутым мифам о божестве неба Свароге и божестве света и солнца Дажьбоге у праславян лужицко-скифского времени.

Глава седьмая третьей части — «Рождение богинь и богов» (с. 354—437) — увлекательно написанное, хорошо аргументированное исследование о том, как родилась система восточнославянской языческой мифологии, просуществовавшая до X века. Генезис мифологии славян впервые в истории науки рассматривается ретроспективно, из глубины веков, что позволяет понять, почему Перун выдвигается на место славянского Зевса очень поздно, не ранее IX века. На первый план выступает женское божество

⁷ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. М., 1974.

⁸ Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. — Тр. ГИМ, 1926, т. I.

⁹ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 41.

судьбы и удачи, прообраз богини плодородия Макошь, христианской наследницей которой является Параскева-Пятница. Весьма удачными кажутся развернутые обоснования древности культа славянского божества Лады. После книги Б. Л. Богаевского¹⁰ это самая крупная попытка привлечь внимание к культу женского земледельческого божества.

Следом за женскими божествами рассматриваются мужские божества, среди которых главным является Велес (Волос), бог скота и богатства, место которого в христианстве заняли Власий, потом Василий, Флор и Лавр, и даже Никола. Автор рецензируемой книги строит, разумеется гипотетически, тысячелетнюю историю образа Велеса, восходящую к медвежьему культу мустьерских неандертальцев. По этнографическим материалам XIX века он искусно восстанавливает часть календарного цикла молений этому божеству, связанного со святочно-масляничной карнаваловой обрядностью. Это имеет большое значение для этнографов и фольклористов, занимающихся историей обрядов и начатками драматургии у славян. Автор рецензируемой книги убедительно показал, что культ Велеса столь же древен, как и культ Рода, а языческая тройца — Перун, Стрибог, Дажьбог — относительно позднего происхождения и восходит ко времени военной демократии и распада первобытно-общинного общества на классы. Нам кажется только, что при рассмотрении других богов, например Хорса, было бы лучше объяснять происхождение имени этого бога не из понятия «круглый» (с. 433—434), а из иранского (сарматского) слова «Hrs», восходящего к древнеиранскому «hvareǰšaētəm» или к среднеиранскому «xvaršēt».¹¹ Согласно древним представлениям индоевропейских народов, бог солнца (светило) совершает свой бег по небу верхом на лошади (hrs).

Самое загадочное и самое важное из славянских божеств — это Род, которому посвящена восьмая глава рецензируемой книги «Род и рожаницы» (с. 438—470). Собрав богатый и разнообразный материал и пользуясь все тем же методом сопоставлений и аналогий, Б. А. Рыбаков восстанавливает тысячелетнюю историю культа Рода у славян. Сущность божества сводится к формуле: «Род — творец Вселенной» (с. 458). Следует отметить весьма плодотворную интерпретацию «Слова Исайи пророка» как памятника древнерусской литературы середины XII века, направленного против культа Рода и рожаниц (с. 444—448). Чрезвычайно интересна также расшифровка древнего представления о делении

Вселенной на три зоны: небо, землю и подземный мир, что находит выражение, в частности, в трехъярусной скульптуре Збручского идола Святовита — Рода (с. 460—463). Б. А. Рыбаков, очевидно, прав, утверждая, что на Збручском идоле изображен Стрибог (с. 464). Древний культ Рода у славян пережил многие века и отразился в древнерусской литературе. Потому позитивный материал данной главы весьма существен для понимания литературы и искусства Древней Руси.

Преемственность веков, проявившаяся во взаимосвязи русских вышивок со славянской мифологией, исследуется в девятой главе (с. 471—527). Ее выводы (на с. 526—527) очень важны для этнографов, а также историков русского прикладного искусства и фольклора. В качестве замечательных находок могут быть отмечены севернорусские вышитые календари (с. 509).¹²

В десятой главе книги — «Мифы, предания, сказки» (с. 528—596) — сделана исключительная по смелости попытка воссоздать этапы истории славянской сказки от времени борьбы с киммерийцами (XI—VIII века до н. э.) до периода противостояния скифам и сарматам (VII век до н. э.—III век н. э.). «Сказка донесла до нас и очень архаичную мифологию, и первичные формы героического эпоса, начало которого отстоит от начала создания былин Киевской Руси на целых два тысячелетия», — справедливо пишет Б. А. Рыбаков (с. 596). От древних мифов до наших дней сохранились в русском фольклоре лишь отдельные следы. Автор анализирует легенды о божественном кузнеце, ковавшем первый плуг в 40 пудов и победившем страшного змея. Эти легенды могли бытовать у праславян эпохи бронзы и раннего железа, как-то соприкасавшихся с киммерийцами, а затем со скифами и сарматами. В I веке н. э. венецы, по словам Тацита, «из-за смешанных браков приобретают черты сарматов». Автор рецензируемой книги принимает здесь гипотезу А. И. Тереножкина, связывающего киммерийцев со срубной культурой бронзового века второго тысячелетия до н. э. от Днепра до Урала и от Черного моря до Камы, а праславян — с белогрудовской и чернолесской культурами южной России.¹³ Однако до сих пор попытки

¹² См. также: Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян. — Советская археология, 1962, № 4, с. 79—80.

¹³ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976. Славянская лужицкая культура (с примесью кельтского, германского и иллирийского элементов) доходила до Западного Буга. Так, например, по всей вероятности, славянской была высокая культура XI—IX веков до н. э., располагавшаяся по верхнему Западному Бугу, Стыри и Серети. См.: Niesiołowska-Wędzka A. Wysocka kultura. — In: Słownik

¹⁰ Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин, т. 1, 2. Пгр., 1916.

¹¹ См.: Фаслер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, т. IV. М., 1973, с. 267.

выделить археологическую культуру киммерийцев не увенчались успехом. Киммерийцы — собирательное название для многих племен доскифского населения обширной территории степей Причерноморья. Факт славянской колонизации левобережья Днепра в VIII—VII веках до н. э. не представляется археологически доказанным. Однако это не ослабляет выкладок и выводов автора рецензируемой книги: славяно-киммерийские и славяно-скифские контакты могли иметь место в эпоху конца бронзового века, более того — они были неизбежными.

Несомненно плодотворным было бы дальнейшее углубленное рассмотрение всего «скифского» материала в его отношении к русскому фольклору, как это блестяще сделано Б. А. Рыбаковым на примере легенд об оборотнях (Таргитай — Сварог — Аполлон; Колаксай — Дажьбог). При анализе русских богатырских волшебных сказок автор устанавливает вполне вероятную исходную точку разысканий — это сказочный змей. Он рассматривает целые устойчивые комплексы сюжетов: 1) богатырь Покати-горох («украинский Геракл»), 2) три брата, три царства, 3) Иван (зверинный сын) и Змей, 4) Баба-Яга, «воительница-мстительница», 5) девичье царство. Такая стадийность в развитии мифов хотя и не абсолютно доказуема, но возможна. Степень доказательности или гипотетичности построений зависит здесь не столько от материала, сколько от искусства исследователя строить и обосновывать свои гипотезы. А искусство это у Б. А. Рыбакова весьма высокое. Используя результаты разысканий Н. В. Новикова,¹⁴ автор рецензируемой книги весьма удачно продолжает его работу в области генезиса русской волшебной сказки. Совершенно новым является уяснение Б. А. Рыбаковым общего фило-

софско-исторического впечатления от всего восточнославянского сказочного комплекса и выявление его отличия от русского богатырского эпоса X—XIV веков. Автор усматривает в сказках три периода богатырской ситуации: киммерийский, скифский и сарматский — и приводит свои интересные предположения.

Данная глава должна привлечь особенное внимание историков литературы, так как она выводит начало эстетического художественного сознания из глубокой древности. Ведь наша литература возникла не на пустом месте и не из деловой письменности. Предпосылки литературы гораздо старше, чем деловая письменность: деловая письменность развивается параллельно с литературой, но не имеет отношения к ее возникновению. Открытия Б. А. Рыбакова побуждают исследователей к новым поискам начатков художественного сознания в древнейшем фольклоре, в мифологии праславян.

Основные выводы изложены автором в заключении, на с. 597—606, но ими далеко не исчерпывается все богатство затронутых в книге тем, выдвинутых гипотез, интересных сопоставлений. Изложение материала в ней доведено до первых веков нашей эры, и читатель вправе ждать увлекательного продолжения — рассказа о язычестве восточного славянства VI—IX веков и Древней Руси IX—X веков. Очевидно, в этом будущем исследовании автор коснется воздействия славянского язычества на архитектуру, живопись и литературу, прикладное искусство Древней Руси. Это воздействие было масштабным, действенным и плодотворным, причем для русской культуры не одних только средних веков. Мы вправе ожидать и разговора об остатках язычества в наше время (например, воспоминания о поклонении змеям, камням и гаданиям в Жемойтии, остатки языческой обрядности у русского народа и т. п.). Но это пожелания на будущее. Если же говорить об обширном экскурсе, уже предпринятом Б. А. Рыбаковым в глубины народной памяти, то он вполне состоялся. Книгу «Язычество древних славян» несомненно будут читать и изучать с большой пользой и специалисты, и широкий круг читателей.

starożytności słowiańskich, t. VI, cz. 2. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1980, s. 646—649. Ее носителями некоторые исследователи считают «невров» Геродота и отождествляют их с праславянами.

¹⁴ Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. М.—Л., 1974.

